

Чалый Вадим Александрович

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ ГОББСА

В статье рассматривается применяемая Томасом Гоббсом методология исследования политического. К методам, широко известным как "научный" и "риторический", предлагается добавить феноменологический, направленный на исследование внутренних предписаний "истинного разума" и аффектов. Феноменологический метод используется Гоббсом для преодоления разрыва между физическим и психическим, установления между физикой и морально-политической философией отношений, подобных более поздней "супервентности".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-1/49.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 1. С. 193-196. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

FREEDOM AND SECURITY IN THE LEGAL STATE: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Kharchenko Dmitrii Sergeevich

Saratov State University

dima291189@mail.ru

The article raises an extremely topical issue concerning the relationship between security and freedom in a modern legal state. Proceeding from the fact that for security reasons citizens are required to sacrifice some of the freedom that is presented as the highest value by democratic states, the author analyzes various ways of establishing control over the population, which remain within the law.

Key words and phrases: freedom; security; legal state; state of emergency; control; social philosophy.

УДК 1.91

Философские науки

В статье рассматривается применяемая Томасом Гоббсом методология исследования политического. К методам, широко известным как «научный» и «риторический», предлагается добавить феноменологический, направленный на исследование внутренних предписаний «истинного разума» и аффектов. Феноменологический метод используется Гоббсом для преодоления разрыва между физическим и психическим, установления между физикой и морально-политической философией отношений, подобных более поздней «супервентности».

Ключевые слова и фразы: Гоббс; метод; рациональность; феноменология; психология; супервентность.

Чалый Вадим Александрович, к. филос. н., доцент

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, г. Калининград

vchaly@kantiana.ru

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ ГОББСА

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-03-50202 «Становление концепций политической рациональности в философии раннего модерна».

Философия Томаса Гоббса в современной литературе рассматривается в контексте становления рационалистической методологии политики, отличной от средневекового теологического подхода и подхода «риторического», плода переосмысления Ренессансом наследия античности. *Scientia Civilis*, основанная на знании «естественного закона», вытесняет религиозный взгляд на власть, основанный на спекулятивном понимании трансцендентного, и гуманистический взгляд, опирающийся на глубокую, но несистематичную мудрость древних. Гоббс поднимает до новой высоты работу по рационализации и секуляризации политического, начатую Макиавелли: там, где великий флорентиец останавливается на простой фиксации игры природных сил, великий англичанин выстраивает вдохновлённые точными и естественными науками теоретические модели, предназначенные для объяснения и предсказания этих сил и управления политическим процессом. Теория Гоббса сохраняет связь с политической теологией прошлого, он по-прежнему уделяет большое внимание религии и как фактору политической жизни, и как материалу для обоснования своих идей, однако многие библейские сюжеты получают радикально новую интерпретацию. Наиболее ярко это проявляется в гоббсовском истолковании «завета» как образца для договорных отношений между людьми. Гоббс также сохраняет связь с ренессансной «риторикой», значение которой, однако, оценивается современными интерпретаторами по-разному.

Цель данной работы – попытаться выделить ещё один инструмент методологии Гоббса – феноменологический. Значение этого метода велико для всей философии Гоббса, однако нас здесь интересует только морально-политическая феноменология.

В самом широком смысле феноменологическим является подход к обоснованию знания «от первого лица», от подвергнутого анализу индивидуального опыта, содержащего некие явления. В том, что Гоббс использовал этот подход, нет ничего нового и удивительного: например, ещё Лео Штраус указывает на то, что одной из важнейших новаций Гоббса является обоснование категории естественного права как «абсолютно оправданного субъективного притязания», «зарождающегося в человеческой воле» [10, р. VIII]. Штраус также указывает на влияние картезианского сомнения и феноменологического метода: Гоббс, по его словам, дал более точное и последовательное применение методу Декарта в моральной философии, что позволило вскрыть фундаментальное значение *страха* как базового политического мотива (в противовес декартовскому *величию*, восходящему к представлениям античности) [Ibidem, р. 56-57].

Феноменологический подход в моральной философии имеет древнюю историю, его истоки можно обнаружить уже в предписании «познай самого себя» и связанном с ним допущении, что это позволит обрести

знание других. Современная моральная феноменология опирается на методологию Гуссерля и формируется в работах его последователей, таких как Макс Шелер, Эммануэль Левинас и экзистенциалисты. Моральная феноменология, как и феноменология познания, представляет собой критическое предприятие по раскрытию эпистемических оснований наших убеждений, в данном случае относительно ценностей и целей как мотивов. Она также основана на принципиальном различии вещи и её явления, здесь принимающем форму различения действия и побуждения. При этом если внешняя вещь подлежит внутреннему явлению, то внешнее действие основывается на внутреннем побуждении. Если к вещам надо «прорываться» через непосредственно данные явления, то побуждения онтологически предшествуют действиям. Побуждение мыслится нередуктивистски в том смысле, что его нельзя объяснить нефеноменологически (например, физикалистски). Таким образом, моральная феноменология представляет собой исследование моральной жизни от первого лица. Феноменологический метод обретает особое значение при исследовании ценностей, «должного», в некоторых оценках представляя собой пару естественным наукам, исследующим факты, или «сущее» [5].

Вернёмся к Гоббсу. В современной литературе подчёркивается его роль в развитии эмпирической методологии политических исследований. Начиная с систематических комментариев Фердинанда Тённиса, политическая философия Гоббса представлена, прежде всего, как теория естественного права, где под словом «естественный» понимается область применения эмпирических методов, наблюдением, измерением и экспериментом устанавливающих законы политики [4]. По крайней мере, с середины 1950-х гг. в англоязычной «гоббсиаде» вперёд выходят попытки реконструировать взгляды Гоббса в виде жёсткой и последовательной теории. Одним из лидеров такого подхода стал английский историк философии и издатель трудов Гоббса Ховард Уоррендер [11]. Однако довольно быстро становится очевидно, что с позиций «строгой науки» философия Гоббса не является последовательной: например, «гоббсовский материализм и теория движения несовместимы с его феноменализмом и эгоистической психологией» [Ibidem, p. 1] (к этому тезису мы вернёмся). В советской литературе Гоббсу приписывали «радикальный анализизм» [1, с. 31] и «механистический редукционизм» [Там же, с. 32]. Современные интерпретации политической методологии Гоббса разнообразны. Здесь и попытки вывести его политическую теорию из геометрического метода, и даже частично из оптики, и указание на фундаментальное значение неявной теологической аксиоматики, и противопоставление «исторического» и «научного», а также «научного» и «риторического» методов [9].

О риторическом методе следует сказать отдельно. Тезис о том, что политическая философия Гоббса является не разрывом с ренессансной «риторической» парадигмой, а её развитием, наиболее ярко высказан одним из главных современных историков политической мысли Квентином Скиннером [8]. В своих работах Скиннер реконструирует творческую биографию Гоббса как движение от ранней «технократической» попытки преодоления «риторической» парадигмы в трактате «О гражданине» (1642) и других работах к синтезу новой политической науки и старой риторики в «Левиафане» (1651). Данная позиция обрела значительное влияние, и современные интерпретации методологии Гоббса находятся между «сциентистским» и «риторическим» полюсами. В отечественной литературе ситуация в современном «гоббсоведении» проанализирована и оценена А. Ф. Филипповым [2; 3].

Обратимся теперь к реконструкции феноменологического метода Гоббса. Хорошей отправной точкой для неё является упомянутая выше проблема несовместимости гоббсовского «материализма» и его же «психологии». Гоббс действительно неоднократно и недвусмысленно высказывается в духе (прото)физикализма (это более точное название программы сведения всех процессов к физическому движению, чем «материализм»). Например, он пишет, что «причина движения какого-либо тела может заключаться только в соприкасающемся с ним и движущемся теле» [1, с. 125]. Но, как и для физикализма в XX веке, для Гоббса проблемой оказывается утрата смыслов при объяснении психических процессов, а с ними и оснований для построения морально-политической философии. Ментальная жизнь и во времена Гоббса, и сегодня плохо поддаётся интерпретации в терминах движения тел.

Предложенное Гоббсом решение этой трудности в некотором смысле предвосхищает переход от редуктивного к супервентному физикализму (в работах Д. Дэвидсона, Д. Льюиса и др.). Льюис так описывает супервентность: «Матричное изображение имеет глобальные свойства – оно симметрично, оно заполнено (cluttered) и так далее, – и, однако, всё, что есть в этой картинке, это точки или не-точки в каждой ячейке матрицы. Глобальные свойства суть лишь паттерны на точках. Они супервентны: ни одна пара картин не может иметь различий в глобальных свойствах, не отличаясь где-то простым присутствием или отсутствием точек» [6, p. 14]. Для описания сущностных свойств такой казалось бы сугубо физической, «материальной» картины нам тем не менее необходимо два языка: один будет описывать точки и их паттерны, т.е. физику, другой – значения паттернов, т.е. семиотику.

Именно такие языки Гоббс описывает в «методологической преамбуле» к своей философии – главе 6 «О методе» трактата «О теле». Она начинается с различения двух модусов вопрошания – «почему» и «что». Вопросом «почему» занимается наука о причинах и действиях, вопросом «что» занимается наука об «образах восприятия и воображения». Последняя является «началом знания», поскольку образы восприятия и воображения даны нам непосредственно. Наука же о причинах объясняет их физическое происхождение [1, с. 119-120] и потому может называться физикой [Там же, с. 124]. Физика объясняет всё через движение [Там же, с. 123]. Среди последних движений – чувственно воспринимаемые качества, «свет, цвет, прозрачность, непрозрачность, звук, запах, вкус, теплота, холод и т.п.» [Там же, с. 124]. Далее следует физикалистский тезис, который следует привести целиком: «От физики необходимо перейти к философии морали, в которой

рассматриваются душевные движения, как *влечение, отвращение, любовь, благосклонность, надежда, страх, гнев, ревность, зависть* и т.д., равно как и то, каковы их причины и к каким последствиям они приводят. Эти явления изучаются после физики, потому что их причины кроются в чувственном восприятии и воображении, а то и другое – предмет исследования физики. Необходимость указанного порядка исследования обуславливается тем, что физические явления могут быть поняты лишь после того, как изучены движения мельчайших частиц тела, а движение последних в свою очередь может быть понято только тогда, когда познана сущность того, что производится движением как таковым. И так как всякое чувственное проявление вещей характеризуется определённым качеством и величиной, а последние в свою очередь имеют своим основанием сочетание движений, то прежде всего должны быть исследованы пути движения как такового (что составляет предмет геометрии), затем пути видимых и сложных движений и, наконец, пути движений внутренних и невидимых (которые исследует физика)» [Там же].

Однако вслед за этим манифестом следует другой, который часто вменяют Гоббсу как пример непоследовательности: «Философия государства связана с философией морали, но не настолько тесно, чтобы её нельзя было отделить от последней. Ведь причины душевных движений мы познаём не только путём научных исследований (Ratiocination), но также из собственного опыта (Experieuce), когда даём себе труд наблюдать наши чувства». И далее: «...принципы политики коренятся в познании душевных движений, принципы же познания душевных движений – в познании чувственных восприятий и воображения», а каковы последние – «всякий может убедиться, исходя из собственного опыта и исследуя собственную душу» [Там же, с. 125]. И затем Гоббс как ни в чём ни бывало возвращается к прежней методологической парадигме, в которой всякое явление надлежит толковать в терминах причины и действия, движения и формы, физики и геометрии.

Что означает это неожиданное отступление от физикализма? Что значит «исследовать собственную душу»? Ответы на эти вопросы разбросаны по трём трактатам, вместе составляющим «Основы философии», они повторяются и в «Левиафане». Отправной точкой можно выбрать рассуждение об истине и очевидности из трактата «О человеческой природе»: «Очевидность есть сопутствие человеческого представления словам, обозначающим представление в акте умозаключения... Я определяю то знание, которое мы называем *наукой*, как очевидность истины, основанную на некоем начале, или принципе, ощущения. Ибо истина предложения никогда не бывает очевидной, пока мы не представляем себе смысла тех слов, или терминов, из которых предложение состоит. Этот смысл всегда составляют мысленные представления» [Там же, с. 532].

Гоббс, прорабатывая различие и порядок взаимодействия между внешними вещами и образами в сознании, говорит о том, что первичным источником знания образов и, следовательно, стоящих за ними вещей является собственный опыт [Там же, с. 511]. Здесь, разумеется, можно говорить о влиянии Декарта. Разница, однако, обусловлена политическими интересами Гоббса, стремлением построить теорию, объясняющую не вещи, но прежде всего возникающий из частных внутренних аффектов общий внешний политический порядок. Частные аффекты, по Гоббсу, являются продуктом физического движения, но осмыслить их в физических терминах ему не удаётся¹ – психофизи(ологи)ческий разрыв остаётся непреодоленным.

Теория аффектов Гоббса уже рассматривалась в литературе как смелый шаг в психологии, и его уже называли «отцом английской психологии» [7], однако анализ того, что можно было бы назвать «психологией» в учении Гоббса, показывает, что она не обладает собственным методом, и рассуждения о закономерностях человеческой природы опираются на два внешних и взаимодействующих источника. Это интроспективное знание собственных «аффектов» и движений «животных духов» и знание истории (как в смысле книжном, так и в смысле персонального жизненного опыта), в которой развёртываются такие же аффекты других людей².

Яркий пример использования феноменологического метода являет важнейшее для гоббсовской теории выведение категории *естественного закона*, начинающее трактат «О гражданине». Здесь естественный закон определяется как «требование истинного разума относительно того, что следует и чего не следует делать ради возможно более продолжительного сохранения жизни и телесного здоровья» [1, с. 294-295]. Истинный разум – «мыслительный акт, то есть собственное для каждого правильное рассуждение о действиях, которые могут привести либо к пользе, либо к ущербу для других» [Там же, с. 294]. Каков метод, позволяющий выявить содержание «собственных мыслительных актов»? Принадлежит ли он физике и геометрии? Нет, это метод феноменологический. Феноменология собственного разума и аффектов позволяет интерпретировать мотивации других людей, и наоборот, наблюдения за другими позволяют тоньше понимать собственные мотивы. «Опыт», «мудрость», необходимые для политики наряду со «знанием» (*scientia Civilis*) и с «красноречием» («риторика» гуманистов), прирастают через расширение и обогащение этого цикла. Таков «герменевтический круг», лежащий в основе политической философии Гоббса.

Список источников

1. Гоббс Т. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. 624 с.
2. Филиппов А. Ф. Актуальность философии Гоббса. Статья первая // Социологическое обозрение. 2009. № 3 (8). С. 102-112.
3. Филиппов А. Ф. Актуальность философии Гоббса. Статья вторая // Социологическое обозрение. 2009. № 3 (8). С. 113-122.

¹ Попытка преодоления наиболее систематично представлена в работе «О человеке», главе XII «Об аффектах, или волнениях души». Здесь появляются «животные духи», *spiritus animales*, в английском тексте «Левиафана» именуемые *animal spirits*. Как работают эти «духи» у Гоббса (и у Декарта, пользующегося аналогичным понятием), остаётся непрояснённым.

² Исследование исторического, «идиографического» метода Гоббса также представляет интерес.

4. **Hobbes T., Tönnies F.** The Elements of Law, Natural and Politic. L.: Frank Cass, 1969. 270 p.
5. **Kriegel U.** Moral Phenomenology: Foundational Issues // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2008. № 1 (7). P. 1-19.
6. **Lewis D. K.** On the Plurality of Worlds. Oxford: Blackwell, 1986. 276 p.
7. **Moore V. F.** The Psychology of Hobbes and Its Sources // The American Journal of Psychology. 1899. № 1 (11). P. 49-66.
8. **Skinner Q.** Reason and Rhetoric in the Philosophy of Hobbes. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 394 p.
9. **Sorell T.** The Cambridge Companion to Hobbes. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 420 p.
10. **Strauss L.** The Political Philosophy of Hobbes: its Basis and its Genesis. Chicago: University of Chicago Press, 1952. XVI+172 p.
11. **Warrender H.** The Political Philosophy of Hobbes: His Theory of Obligation. Oxford: Clarendon Press, 1957. 372 p.

THE PHENOMENOLOGICAL METHOD IN POLITICAL SCIENCE OF HOBBS

Chalyi Vadim Aleksandrovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad
vchaly@kantiana.ru

The article examines the methodology of research of the political used by Thomas Hobbes. To the methods widely known as “scientific” and “rhetorical”, it is proposed to add a phenomenological one, aimed at studying the internal prescriptions of “true reason” and affects. The phenomenological method is used by Hobbes to bridge the gap between the physical and the psychic, establishing relations between physics and the moral and political philosophy of relations like the later “supervenience”.

Key words and phrases: Hobbes; method; rationality; phenomenology; psychology; supervenience.

УДК 784.1

Искусствоведение

Статья посвящена процессу формирования культуры концертного вокального исполнительства в Китае 20-30-х годов XX века. Автор обозначает основные вехи этого процесса, связанные, прежде всего, с деятельностью ведущих учебных заведений Китая, а также с именами выдающихся вокальных педагогов и музыкальных деятелей: Хуан Цзи, Ли Баочэнь, Чжоу Шуань, Ин Шаннэн. Отмечена роль культурного диалога Китая с Россией, Италией, США в становлении концертного исполнительства и формировании новой слушательской традиции в области вокального искусства.

Ключевые слова и фразы: вокальное исполнительство; вокальная педагогика; история певческого искусства Китая; концертное исполнительство; культурный диалог; слушательская традиция.

Чжао Фэйлун

Нижегородская государственная консерватория им. М. И. Глинки
nngk.aspirantura@yandex.ru

СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕРТНОГО ВОКАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬСТВА В КИТАЕ В 20-30-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Певческое искусство Китая по праву гордится многовековой историей своего существования, но лишь в начале XX века оно перестает быть для европейцев экзотичным. Напротив, в конце прошедшего столетия искушенная европейская аудитория открывает для себя уникальную многогранность китайской техники пения, которая оказывается созвучной самым смелым поискам европейцев в сфере вокальной артикуляции и интонирования.

Все национальные вокальные школы (немецкая, французская, русская и т.д.) когда-то прошли путь освоения итальянского бельканто. Специфика китайского пути заключается в том, что искусство пения, в силу исторических обстоятельств долгое время пребывавшее в замкнутом культурном пространстве, совершает настоящий прорыв в самый центр мировых художественных достижений в этой сфере лишь в XX столетии. Сегодня очевидно, что китайским вокалистам удалось освоить язык классического – в широком смысле слова – искусства пения, а также продемонстрировать созвучность традиционных вокальных техник экспериментам современных западных композиторов, связанным с поиском компромисса между пением и речью, пением и инструментальным звучанием. Механизмы освоения западной модели пения и трансформации национальной вокальной традиции в доступную для взаимодействия с этой моделью систему представляют собой актуальную область современного музыковедения.

Одним из аспектов обозначенной проблематики является процесс формирования культуры концертного вокального исполнительства в Китае 20-30-х годов XX века. Наметим основные вехи этого процесса, связанные, прежде всего, с деятельностью ведущих учебных заведений Китая, а также с именами наиболее выдающихся вокальных педагогов и музыкальных деятелей.

Одной из первых и в то же время наиболее авторитетных и продуктивных в Китае начала XX столетия организаций, деятельность которых была направлена на формирование новой традиции концертного вокального исполнительства, стала созданная 4 мая 1919 года вокальная ассоциация Пекинского университета.